

ЛИТІЯ ТАХИМІ

ДЕРЕВО КАЛМЫК

2015

Лития Тахини Дерево Калмык

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70311136

SelfPub; 2024

Аннотация

Хотите побывать генетически модифицированным деревом?
Правильный ответ – "нет".

Лития Тахини

Дерево Калмык

Лети-лети лепесток. Ключ. Язык. Замок.

Взойди-взойди семечко, пройди Калмык сквозь темечко.

Ключ-сургуч. Язык-Калмык. Замок-восток.

Эти слова для Дерева в детстве были колыбельной, в зрелом возрасте рвали разум вопросами, а в старости – стали пульсирующей болючей мигренью.

Но ни забыть, ни стереть из памяти их было невозможно.

Дерево понятия не имел, откуда они взялись, также как и его имя – Калмык.

В это же время, провернув тумблер условной реальности, сквозь нетканое полотно пространственно-временного континуума, на него смотрела уже немолодая женщина.

Пережив немало сожалений, о содеянном ею 50 лет назад, когда будучи маленькой девочкой, она украла из кладовки своего отца одно из семян, похожее на пестрое крыло тропической бабочки.

Это семя, вместе с другими, по весне должны были высадить в университетском дворе, для повышения квалификации профессуры Кафедры Проявления Сокрытого.

Это были дорогие сорта генномодифицированных деревьев, в каждом из них текла особенная смола, которая при правильной концентрации намерения практиком, проступа-

ла наружу магическими символами, разъеда я при этом кору, и уже на голой коже дерева можно было прочесть персональное заклинание на временное изменение облика.

Схалтурить было невозможно – дерево филигранно выявляло потенциал человека, его внутреннюю силу и мастерство.

При удачном эксперименте, заклинание торжественно вырезалось из ствола и помещалось в красивую рамочку из коры того же подопытного, и дерево выполнив свою миссию, умирало.

Жизнь подобных деревьев длилась, как правило, не более пяти лет.

Им с детства прививали черенок с мыслеформой об их избранности, и что в подобной жертве, заключается смысл их жизни.

Сколько они смогли бы прожить без целевого использования, никто не знал, все опыты были засекречены.

У деревьев тоже была своя иерархия, тем, кто был на самом низшем генном уровне, приходилось совсем туго и жизнь их была еще короче.

Их выращивали, как цыплят-бройлеров. Они покупались первым встречным и использовались для чего не попадая – кто-то сбрасывал на деревья свои прыщи и бородавки, кто-то вживлял под кору наушники, включал злой рэп и смотрел, как дерево покрывалось бесформенными рубцами.

Лучшее, что могло случиться с такими деревьями – быть

зеркалом детской памяти, помогая заучивать им таблицу умножения, алфавит и прочие школьные премудрости, быть детектором лжи на даче показаний жуликов, или любовным признанием дорогому человеку.

Иногда деревья поднимали свой немой бунт, но его никто не замечал, так как он был неслышен. Были робкие попытки исказить исходящую информацию, но воля даже самого слабого человека была сильнее их деревянной природы.

—

Девочка Лиза с детства наблюдала за происходящим в тепличных лабораториях отца.

Она видела, как высеиваются семена, как они всходят и растут, как доверчиво тянуться вверх навстречу неизвестности и чем заканчивается их короткая жизнь.

Маленькой Лизе казалось, что так поступать с деревьями неправильно, но никто не разделял её мнение.

Тогда она попыталась выкопать их и пересадить в безопасное место, но это только привело к конфликту с отцом, после чего он строго-настрого запретил приближаться к его складу и теплицам.

И вот однажды, стремясь спасти хоть чью-то жизнь, она украла из коробки отца одно из семян, подыскала ближайшую зеленую планету, под названием Земля, открыла временной портал, нарекла семечко Калмыком и прочла придуманное заклинание на перемещение.

Лиза очень гордилась собой и глядя на свое отражение

в зеркале, пообещала ему, что когда вырастет, то посвятит всю свою жизнь спасению деревьев, рассаживая их по жилым планетам, делая их свободными и счастливыми.

Так она решила, но как многие маленькие девочки, со временем позабыла об этом.

Когда Лиза вспомнила о Калмыке, прошло ровно 10 лет. Девушка навсегда потеряла покой, когда через галактический телескоп увидела, что случилось с деревом.

До этого, она хотела стать артисткой разговорного жанра, но поселившееся в ней тягостное чувство вины, вытравило из нее беззаботность и легкомыслие.

Теперь её судьба была predetermined. Она поступила работать лаборанткой в Институт Сверхчувствительной Телепатии, где всю свою жизнь посвятила изучению ментального поля растений.

В тот день, когда Лиза вспомнила о дереве, по земным меркам, Калмык, жил уже целых 100 лет, не зная дат, не зная, кто он и что с ним происходит.

При соприкосновении с земной атмосферой, повредился прописанный в нём генокод, память дестроила и преподносила сознанию крошечные провалы и путаные образы.

Зрение и слух застряли на разломе внутреннего и внешнего, наградив рассудок той ломкостью, коротая при любой попытке уйти на одну из сторон, впивалась жгучими осколками в деревянную плоть и превращалась в трель сотни дятлов одновременно.

В темени бесформенно болталось, лишь «Лети-лети лепесток...»

Прошло еще 500 с лишним лет.

Стоял обычный пасмурный день, который предвещал только непогоду и не более.

В этот ничем не примечательный день, наставница Гроза проводила практикум для новеньких подопечных – Грома и Молнии.

Но пока, увлеченно шумя осадками, она читала им нотации за своевольное поведение, Молния ускользнула куда подальше, в предвкушении блеснуть своим разрушительным великолепием.

– Ну здравствуй, милый, – лукаво усмехнулась Молния, целясь прямо в то самое дерево, что одиноко росло на краю обрыва.

А когда она целилась в кого-то, то не промахивалась.

– Наблюдайте грандиозное шоу блестящей поджигательницы-ломательницы! – проскрипела она, шандарахнув Калмыка прямо по темени.

– Какая виртуозная контузия! – восхитилась Молния собственным произволом и радостно ускакала прочь, даже не одарив тлеющего Калмыка пристальным вниманием.

Откуда было молодой молнии знать, что иногда заведомо злые поступки обращаются во благо и что её клин, перенастроит, наугад выбранной жертве, сенсорно-визуальную моторику.

После оглушительного удара, Дерево впервые в жизни услышал звуки вокруг себя, а чуть позже, его глаза залил ослепительный свет.

Но всё же, полностью слух и зрение к нему не вернулись – все посторонние звуки доходили до сознания с большим опозданием, и в итоге, почти до основания рассеивались, а перед глазами всё проносилось с такой огромной скоростью, что вычленить из этого темпа сформированные образы было невозможно.

Лучше всего реанимировалась чувствительность коры и ветвей – ощупывать утро, день, вечер и ночь, стало любимым занятием Калмыка.

Он безошибочно определял настроение каждого времени суток.

Еще он дружил с солнцем, дождем, морозом и снегом, казалось, что способность вчувствоваться в жизнеощущение каждой из стихий, было для него природным и теперь он много знал, об их тяготах и радостях.

Также, были у него и неприятели, о которых Дерево раньше не подозревал.

А еще, по непонятным причинам, его задирали Ветер, живущий в разломе горы за стеной водопада.

Калмык рос на самой вершине холма и Ветер не упускал случая растрепать в разные стороны его ветви или дать легкий пинок ему под ствол.

Еще Дерево недолюбливал прибегающих к нему диких ка-

банов, лис, медведей и зайцев, их иерархия в пищевой цепочке на какое-то время уравнивалась, когда те, поочередно обгрызали его и чесались о ствол, сплавляя на него своих блох.

Шли годы, но тоска Дерева не уходила – он дружил со всеми, даже с недоброжелателями, с ним же, не дружил никто.

Иногда, при безветренной погоде, он мог слышать шепот других деревьев, растущих на другой стороне реки, но их наречие было ему незнакомо.

Калмык старился, Ветер согнул его почти вдвое, мысли о смысле жизни и собственном предназначении, вызывали лишь горечь и головную боль.

Он научился радоваться даже злым порывам ветра, радовался короедам щекочущим его кожу и уж невыносимым счастьем было, когда какая-нибудь залетная птица, раскинув лапы и клюв на изнанке своего крыла, находила в его ветвях ночлег.

И когда у него не осталось ни малейшей надежды встретить настоящего друга, вдруг к подножью его холма, быстрой рекой выбросило Змея.

Бедняга сорвался с горы и попал прямо в водопад, тот потрепал его о камни и чуть не утопил в себе, но Змей чудом зацепился за торчащие корни Калмыка, и спасся от неминуемой смерти.

С тех самых пор, у Дерева появился настоящий друг!

Каким-то невероятным образом, в своей безмолвности,

оба смогли расслышать мысли друг друга.

Выяснилось, что Змей был очень веселым парнем и не терял чувство юмора, даже будучи неизлечимо покалеченным.

Он рассказывал невероятные истории о том, что их окружает, конечно же, изрядно приукрашивая свои рассказы.

Чтобы приободрить Калмыка, он говорил, что другие деревья считают его чужаком. Они сторонятся его, из-за мощных корней и странной формы ветвей, не узнавая в нем ни лиственницу, ни осину, ни какое-либо другое дерево растущее в округе.

Рассказывал о хозяевах планеты – людях, авторитетно заявляя, что люди – это будущие деревья. Что их скелеты и вены – это будущие стволы и ветки, и когда придет время, вместо кожи они обростут корой и вуаля, в полку деревьев прибыло!

Говорил, что Калмык плохо слышит, из-за Реки, поедательницы слов и звуков, и прижимая хвост к сердцу, клялся, что та совсем припадочная и выжившая из ума старуха – карабкаясь по скалам, она забирается повыше и притворяясь водопадом, со всей своей водяной дури, бросается на зверей и птиц оказавшихся на водопое.

Еще Змей переводил Дереву песни, звучащие с мимо проплывающих теплоходов – о реке Волге, что течет издалека долго, о хлебах спелых и снегах белых, о рассветном гонце малиновом звоне и прочей непереводаемо дискотечной любви и ненависти.

Говорил в основном Змей – Дереву нечего было поведать и он просто слушал, тихо радуясь этой дружбе, как ребенок – трухлявый от старости ребенок.

Так проходил день за днем, год за годом, пока в один из дней, Змей слег и не смог больше сдвинуться с места – он умирал.

Треском заполнилось долина, когда Калмык во весь голос зарыдал истошным безгласием.

Проклинать он не знал как, молится, тоже неумел, и он ревел и трещал до тех пор, пока его рассудок не пошатнулся – в этом безумии, он покинул внешнее, пересек черту здравого смысла и оказался в своем внутреннем мире.

Наступила тишина и отступила боль – Калмык вспомнил свою природу и свое предназначение.

На мгновение, в этом спокойствии, ему даже стало безразлично, что случится со Змеем.

Но прожив очень долгую жизнь, ему было очевидно – что внешнее, далеко не всегда равняется внутреннему, и что уйдя в себя, он может бесконечно растворяться в небытии, сохраняя отрешенность. Но столкнувшись с фиксированными законами наружного мира, всё его умиротворение способно пошатнуться и рассыпаться в одно мгновенье.

Он догадывался, что его внутренний дзен, отражается в реальном мире безучастностью и черной неблагодарностью, по отношению к единственному другу.

Теперь, когда в нём впервые заговорила воля, он принял

первое в жизни самостоятельное решение – исполнить желание Змея.

Решив вернуться с новым знанием наружу, он и не подозревал, что его план, станет первопроходческим в магическом мире деревьев на его родине.

Когда сознание Дерева вернулось во внешний мир, Змей лежал кольцом возле него, обняв собою торчащую и треснувшую часть корня.

Калмык всё еще не мог хорошо видеть и слышать, но реальность уже не впивалась в него своими зубами, высасывая все соки, власть над его настроением она больше не имела – теперь в его темени пульсировал шаринган.

Больше всего на свете, Дерево не хотел отпускать друга, но умирали оба, и всё что ему оставалось, это самому сгенерировать намерение на исполнение чужого желания, так как сознание Змея путалось и тот не смог бы четко его выразить.

Змею оставалось только прочесть заклинание и смерть отступила бы, объединив две умирающие жизни в одну – новую!

Калмык настроился на воспоминание, когда Змей напевал ему песенку: «Ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету. Тем, кто дружен, не страшны тревоги, нам любые дороги дороги...».

Под эту песню, Змей мечтал, как было бы здорово, если бы они вдвоем могли свободно перемещаться по земле, он сетовал, как это ужасно – ползать или стоять сиднем на од-

ном месте всю жизнь, и как бы ему хотелось летать, на худой случай – ходить.

При этом, он непременно хотел быть огнедышащим змеем и подмигивая, уточнял, – для самозащиты.

Калмык на нервных окончаниях шарингана держал намерение, пропуская его через сознание, сердце и тело до тех пор, пока осмотическое давление не достигло своего предела и смола не забурлила бушующим потоком по стволу и веткам, выталкивая собственную жизненную силу.

Она вытекала наружу до тех пор, пока не истекла последней каплей, застыв заклиниванием на спине Дерева.

Но от старости и дряхлости, смоле не хватило сил разесть кору и заклинивание осталось запечатанным под ней.

К тому времени, Змей уже был полумертв и Калмык из последних сил, своими хрупкими ветвями, сдирал собственную кожу.

Ветки ломались, а кора всё не поддавалась.

Дерево в немой мольбе, беспомощно крутил по сторонам головой в поисках помощи и она пришла к нему из самого неожиданного места – Ветер глядел из своего ущелья на эти муки и его сердце дрогнуло – он пронесся мимо Дерева, вихрем закружив его в своих бесшабашных объятиях, сдувая с него кору, пока не сорвал её полностью, заодно с пеленой из глаз Змея.

Зависнув в воздухе, он наблюдал, как Дерево одним из корней, поднял друга с земли и поддерживая его дрожащими

ветками, поднес к магическому тексту.

Всё складывалось как нельзя лучше, но когда Змей читал заклинание, то случайно зацепился взглядом за выброшенный из проплывающего катера и поднятый ветром, фантик жевательной резинки, и волей судьбы, название жвачки вплелось в магию перевоплощения.

– Бу-у-у-бль гу-у-у-м, – улыбочиво прошипел на прощанье Змей и слился с корнем Калмыка.

—

А спустя время, на родине нашего героя, начались необратимые перемены в жизнях его далеких братьев и сестер.

Благодаря изучению Лизой экспериментальной психологии и ментальной инженерии растений, её кафедрой была построена ментальная сетка, вследствие чего, некоторые деревья сквозь огромное расстояние, перехватили сигнал от своего соплеменника и началась их трансформация.

Сначала набралось не больше десятка таких деревьев и никто не обратил на них внимания, а когда их стало более сотни и процесс был уже необратим – бороться с этим явлением стало невозможно.

Деревья повсеместно взращивали в себе волю и выходили из зависимости чужих желаний.

Позже, этот феномен назвали Эффектом сотого дерева или Критической массой.

Люди по-разному относились к этому событию.

Одни были рады, другие – возмущены «деревянным бес-

пределом», собирали демонстрации в знак протеста и под разными предлогами заваливали суды исками, а плотно подсевшие на доступную магию и вовсе опустили до того, что в своей мести, просто калечили и вырубали деревья.

Но факт оставался фактом – у деревьев появилась свобода выбора, способная пресекать бесконтрольную человеческую вседозволенность, давая окружающим шанс, задуматься о жизнях тех, кто не может себя защитить.